

В

СПЕКТАКЛЕ «Маскарад», заново поставленном Ю. Завадским в Театре имени Моссовета, есть один впечатляющий образ. Дирижер. Его нет в пьесе Лермонтова. Однако кажется, что, извлекая из смятенных душ героев хачатуряновскую музыку, именно Дирижер властно направляет ход событий. Он стал необходимым действующим лицом. Больше того, без него не было бы такого спектакля.

Не из мистической трактовки лермонтовской драмы, как думают некоторые критики, возникает образ Дирижера. Нет, дело в том, что в этом обществе сильные и по-своему духовно богатые люди не могут разумно, осмысленно распорядиться своей судьбой. Презирая свою среду, герои Лермонтова вынуждены в конечном счете подчиниться ее порядкам. Отсюда трагические ошибки, отсюда ощущение неотвратимости рока, которое режиссер великолепно почувствовал и сумел воплотить в фантастическом и вместе с тем конкретном образе Дирижера.

После написания «Маскарада» прошло почти сто тридцать лет. Но и в наши дни злобешая тема судьбы, довлеющей над человеком, продолжает занимать писателей многих стран.

Популярные на Западе пьесы «Визит старой дамы» Ф. Дюренматта и «Андорра» М. Фриша наносят сильнейшие удары по нравам и принципам буржуазного общества. И вместе с тем они проникнуты ощущением безысходности, бессилия человека перед капиталистическим бытием.

В первой из названных пьес в образе Старой дамы олицетворяется всемогущая сила денег, перед которой падают ниц все — от мэра города и пастора до последнего обывателя. С суровой беспощадностью автор срывает маски, именуемые «демократией», «неприкосновенностью личности», «верностью принципам». Фальшивые покровы падают, и в своей истинной сущности выступают и тот, кто покупает, и те, кого покупают. В «Андорре» капиталистический Молох выступает в другом обличье. Юноша, герой пьесы, гибнет потому, что его выдали когда-то за еврея.

Сюжеты обеих пьес дают образное выражение и осуждение отвратительных язв современного капитализма, одна из которых — власть золота над человеком и обществом, другая — расистское изуверство. Однако в том, что деньги и расовые предрассудки выступают у авторов как некий фатум, как рок, перед которым человек нашего времени якобы бессилён, сказывается ограниченность их пьес.

В советском обществе человек живет с ясным сознанием веры в свои силы, в то, что советский человек и советское общество — хозяева своей судьбы. Человек — начало всего. «Наш строй, — как сказал Л. Ф. Ильичев в своем выступлении на заседании Идеологической комиссии при ЦК КПСС, опубликованном в журнале «Коммунист», № 4, — поднял человека на высоту хозяина государства».

Оптимизм характерен для советской литературы вообще, драматургии в частности. И как бы ни изощрились наши идеологические про-

тивники, облыжно считая этот оптимизм каким-то утрированным, нарочитым, он отличает перспективность нашего взгляда на жизнь от бесперспективности, затуманенности исторического горизонта там, на Западе.

Пьесы, появившиеся у нас в нынешнем театральном сезоне, несут как раз это утверждение силы советского народа, уверенность его взгляда на свое прошлое, и на свое будущее. Мне хочется коснуться тех произведений, в которых проблема человека и его судьбы в советском обществе решается с особой отчетливостью.

Чрезвычайно показательно, что именно в этом сезоне писатели обратились к ленинской теме. Периоду X съезда партии, кронштадтского мятежа и перехода к новой экономической политике посвящена пьеса А. Штейна «Между ливнями» (опубликована в журнале «Театр», № 4).

ЧЕЛОВЕК И ЕГО СУДЬБА

А. СОЛОДОВНИКОВ

Драматург М. Шатров создал документальную драму «Шестое июля». В ней отражены некоторые события мятежа левых эсеров, вспыхнувшего во время работы V съезда Советов. (Пьеса напечатана в 4-м номере журнала «Наш современник».)

Крупным приобретением советского театра можно считать то, что Марко Бессмертный — образ, рожденный творческой фантазией Михайлы Стельмаха, — шагнул из книги в драматургию.

Есть в характере этом что-то эпическое и вместе с тем романтическое. Горечь пережитого в годы культа личности не вносит в пьесу «Правда и кривда» надрыва. Стельмах сумел так сопоставить носителей правды и кривды, что мы ясно чувствуем обреченность тех, кто поганил благородные идеи социализма. И решено это не открыто публицистическими средствами (хотя и их драматург не чурается), а проникновением в духовный мир украинского селянина, приобщением к несравнимому юмору народному, близостью к лирически былинной напевности языка.

Нас несколько не удивляет, что в прологе реалистической пьесы солдатская душа Марка Бессмертного попадает в рай и ведет запросто беседу с богом, похожим на колхозного пасечника деда Евмена. Здесь, в проникнутых юмором беседах, излагается жизненное кредо Марка и его антипода Безбородько.

Безбожник Марко, столкнувшись на пороге смерти с богом — он же дед Евмен, — развертывает такую программу нерешенных жизненных задач, что бог по телефону дает указание эвакогоспиталю выходить Марка и вернуть его в жизнь. А когда в дело вмешалась Смерть, Марко и ее отстранил, потому что на земле оставил, кроме страданий, большую любовь.

«Я люблю росистые с туманцем рассветы и голубые вечера, люблю перепелку во ржи и жаворонка над рожью, плач ребенка в избе и девичий смех в поле, я люблю теплые человеческие руки и добрые глаза, люблю широкие дороги и тайные тропки... Я люблю чары молодости и раздумья зрелости...» Так говорит Марко, и Смерть отступает перед силой его любви.

Я не случайно упомянул в начале статьи о пьесах Дюренматта и Фриша. В них смерть неотвратимо, неотступно требует человеческих жертв. И буржуазное общество приносит ей эти жертвы. У Стель-

маха Марко Бессмертный становится символом бессмертия человека и народа, их бессмертных трудовых дел.

ПРОЦЕСС формирования нового человека, носителя коммунистических начал, — важнейшая сторона нашей сегодняшней жизни. В основе этого процесса лежат идея и мораль коллективизма: общество при всей громаде обуревающих его дел заинтересовано в каждом человеке. В такой же мере отдельный человек проверяет истинную ценность своих устремлений мерой того, насколько они нужны обществу.

Любопытно, что в своих попытках обнаружить возможные точки соприкосновения или «схождения» двух систем — социализма и капитализма — буржуазные пророки будущего прежде всего предсказывают крушение морали коллективизма. Английский экономист Питер Уайлс опубликовал в журнале «Энкаунтер» обширную статью, где пытается доказать, что всеобщее изобилие, к которому стремится советский общественный строй, несовместимо с коллективизмом.

Конечно, мы можем сразу указать на типичную для буржуазного ученого ограниченность, которая заставляет его рассматривать мир, развивающийся по иным законам, лишь сквозь очки буржуазного индивидуализма. Этот последний для нас лишь пережиток, своего рода «моральный» мусор, который рано или поздно будет убран.

Однако индивидуализм, противопоставление «своих», пусть даже маленьких, интересов обществу, коллективу, тем более приукрашивание индивидуалистических устремлений еще существуют, и явление это в наше время далеко не безобидно. Можно понять поэтому внутренний пафос ряда пьес, посвященных проблемам морали, развенчанию эгоистов всех званий и рангов.

Солдат Василий Воробьев, герой пьесы И. Штока «Объяснение в ненависти», стоит на часах у советского памятника в Тиргартене, там, где граница между двумя мирами. Страстно и непримиримо пьеса Штока ратует и против тех, кто со злобой смотрит на солдата Василия Воробьева из-за границы двух миров, и против происков мещан, которые попытались свить гнездо на родине Воробьева да еще и прикрыться славным именем его отца, отдавшего жизнь на войне. Мещанскому своекорыстию, подлости, изворотливости объясняется в ненависти драматург, а с ним вместе — все честные люди нашей земли.

Эгон Раннет в пьесе «Гуси» переносит нас в современную Эстонию. То, что в Старонагорске на Оке (родина Василия Воробьева) пытается хотя бы внешне приспособиться к высокому строю общей жизни, здесь, в отстоящем эстонском колхозе, еще обнажено, открыто. Мир общности и мир соборничества сталкиваются здесь впрямую и непосредственно. Раннет непримирим в этой борьбе. Его положительные герои настоячны, упорны, они не отступают. И находят вместе с тем свои средства воздействия — средства убеждения.

Эстонский драматург раскрывает особенности атмосферы общественной жизни, установившейся после XX и XXII съездов партии, атмосферы дружественного воздействия общества на отстающих и отсталых. Но не ошибающиеся, а общество, коллектив определяют судьбы колхоза, где живут и трудятся персонажи пьесы.

ОТРАДНО отметить, что за время, прошедшее после июньского Пленума ЦК КПСС, советская драматургия повела большой разговор о жизни, создала интересные образы. То, что упомянуто в настоящем кратком обзоре, не исчерпывает списка новых интересных произведений, для которых характерно стремление раскрыть существенное в советском образе жизни, в духовном облике советского человека. Потому можно надеяться, что будущий театральный сезон, когда пьесы эти увидят свет рампы во многих театрах, пройдет еще интереснее, изобавит зрителей от мелкотемья и драмодельческой дешевки.

Рисую людей, полных человеческого достоинства, подлинных хозяев своей судьбы, наша литература ярче оттеняет сумрак, бесперспективность, чувство обреченности, царящие в искусстве буржуазного мира,